

Да что случилось?! Чего расшибкались?! А?! Подумаешь, прозевала переключения светофора! Да и кто не прозевает в 6 утра в выходной, когда все нормальные люди ещё спят, отходя после трудовой недели. Задумалась! Замечталась!

— Придурок! — только и успеваю услышать от проносящейся мимо девицы в кабриолете. Одариваю её своей ослепительной улыбкой. Ну конечно придурок, а что она ещё могла сказать на что-то в мужской рубашке с очень короткой стрижкой, на фоне которой мои слегка оттопыренные ушки смотрятся очень даже смешно. Может догнать и попросить телефончик? Эх, соблазн очень велик, но у меня другие планы. Я везу Нюрку т. е отвожу её домой хозяйке. Начинают наплывать воспоминания, как чокнутый мотоциклист, попав под впередиидущую машину перелетев через неё и застрял прямо у меня на лобовом стекле. До сих пор не могу отделаться от этого не с чем не сравнимого ощущения страха перемещенного с дисориентацией. Единственное, что я помню это то, что кто-то крикнул

— Говори! Говори с ним пока не приедет скорая! И я пыталась! А вы когда-нибудь пытались разговаривать с кем — то, кто был размазан по вашей машине? Всё было, как в страшном сне и тогда я хотела только одного. Проснуться!

То малое, что мне удалось узнать это то, что мотоциклиста, а точнее мотоциклистку зовут Оксана, то, что она живёт совершенно одна ни родителей, ни родственников, ни семьи, и то, что она очень переживала и просила меня кормить её кошку. Я конечно со всем соглашалась и продолжала задавать и задавать вопросы пока не приехала скорая.

Только потом, когда я стала навещать Ксанку в больнице, т. к. все-таки взяла на себя обязанности временного кормильца её кошки, мне удалось узнать о ней больше! В тот злосчастный год, как она с женой попала в аварию и после этого случая спасли только Оксанку. Она совсем потеряла чувство самосохранения. И свою необузданную любовь к женскому полу переключила на технику. Гоночные машины, спортивные мотоциклы, горные велосипеды. Она переехала в Европу, сняла небольшой домик в деревушке высоко в горах, куда даже автобус не поднимался и начала свою отшельническую жизнь. Да и после того как её подшили и поставили на ноги она жалела только об одном. Её было жалко свой мотоцикл. Увидела она его где — то в Альпийской деревне на витрине магазина. Как она говорит, влюбилась сразу и тут же решила, что он будет принадлежать ей. Но так как банкомат выдавал не больше 1000 в день, а за её старый мотоцикл давали не так много денег. Она сняла самую лучшую комнату, в единственном отеле, в которой даже не было, ни телевизора, ни душевой и просидела в нём больше недели т. к. чек владелец магазина не брал.

У нас было много общего...

Мы обе любили женщин, обе любили технику и большие скорости, просто обожали горы, а физические нагрузки для нас были вообще как наркотик! Я приезжала к Ксанки, мы садились на горные велосипеды брали палатку, немного еды и пропадали в горах на все выходные. Я даже как-то пыталась прислушаться к себе, не влюбилась ли я в неё, ведь спать в одной палатке пусть в разных спальных мешках, но всё-таки под одной крышей. Но нет, мы были просто друзья и чем больше я это осознавала, тем больше мне это начинало нравиться. Кому же захочется иметь такую сумасшедшую жену, как Ксанка (про себя в этом случае я скромно промолчу) постоянно думать из какого ущелья её спасатели вытащат и по каким больницам

ее, потом искать. Нет уж спасибо у меня нервы не железные. Когда мне месяц назад позвонили и сказали, что Ксанка опять попала в больницу, я сорвалась с работы и ехала с твёрдым намереньем её отругать, но, увидев как она мирно спит под всеми этими проводами и капельницами передумала. Ну что ты можешь поделать, когда она сама себя не бережет. Мои размышления прервал Ксанкин голос

— Ругаться будешь?!! —

— Ха, вот ещё! Жена ругаться будет! Я тебе фруктов привезла и Нюрку к себе заберу, совсем ты о кошке не думаешь.

— Ну что Нюрок догоним девушку? — говорю я, перестраиваясь на автобан. Нюрок, так ласково называла её только я, а Оксанка всё время фыркала и говорила

— Ты её ещё шнурком назови!

Кошка досталась Ксанки вместе с домом. Дом был заброшенный, хозяева не жили в нём уже давно и когда Ксанка обходила свои новоприобретённые владения, заглянула в подвал то оттуда выскоцило что-то непонятно ужасно напуганное и забилось под диван. Кошку Оксана приручила, дала ей имя и что самое главное отмыла её до прекрасного дымчато-голубого цвета. Никто не знает, как Нюрка оказалась в подвале и как долго она там просидела в темноте, ясно только одно она терпеть не может замкнутые пространства. Так что про специальную клетку для перевоза кошек можно было забыть сразу. Да и зачем травмировать и без того расшатанную Нюркину психику. Думаю, она меня полюбила! Ксанка то же почувствовала это и страшно ревновала, называя её предательницей и грозя опять закрыть в подвале. От этих слов Нюрка прыгала мне на колени и пыталась залесть ко мне под рубашку, начинала громко мурлыкать. Оксанка, видя такое громко фыркала и гордо покидала комнату оставляя нас наедине. Вот и сейчас Нюрка устроившись на спинке водительского сиденья мирно положа голову мне на правое плечо, тем самым, мешая переключать передачи, следила за дорогой. Ей это очень нравилось. Она всегда старалась выбрать такое место, откуда была бы видна дорога и только один раз, когда она болела, и я везла её в к врачу она согласилась спокойно полежать на пассажирском сиденье.

— Ну что? Нюр? Заедим в магазин купим чего-нибудь? Ты же знаешь у Ксанки вечно пустой холодильник. А хлеб вообще не заводится. Нюрка видя в окне знакомый супермаркет, начала метаться по заднему сидению, определенно радуясь скорой встречи с хозяйкой, а может свежей рыбке, которую я всегда покупаю ей, когда мы вдвоём едим закупаться. И вот мы счастливые с полными сумками продуктов стоим перед Оксанкиной дверью Нюрка в нетерпении трётся об мои ноги и хочет уже, наконец, получить свою рыбёшку, а я никак не могу найти ключи от входной двери. Всё мы вошли. Кошка сразу же принялась поглощать рыбу, а я занялась распаковкой и заносом оставшихся вещей. Ксанку будить было жалко. Да и выходной она раньше 11 не встанет. Так что я могу, смело хозяйничать на кухне. Глядя на сытую Нюрку, которая довольно развалилась на подоконнике, я поняла, что тоже проголодалась. Надо растолкать продукты по холодильнику и сварить кофе. Может запах свежего сваренного кофе вытащит засоню из спальни. Холодильник! Он полный! Нет, ну не такой полный, как показывают в мультиках, что как только мультишка его открывает всё вываливается, но он полный для Оксанкиного холодильника. Не переставая удивляться неизвестно откуда взявшимися продуктами и пытаясь найти место для новокупленных я распаковала сумки.

Ничего не может быть лучше свежесваренного кофе со свежей булочкой из пекарне

намазанной нескромным слоем клубничного джема. Жизнь прекрасна!

Ну, вот и Ксанка встала. Нюрка услышав скрип двери и спускающиеся по лестнице шаги сначала дёрнулась встречать хозяйку, а потом передумала и, прыгнув ко мне на колени смешно втянув в себя шею, замерла и стала наблюдать. То, что к нам спускалось, было совсем не похоже на Ксанку. Хотя тапки и рубашка на девушке принадлежали Оксане, но были явно ей велики. И когда это милое создание, сладко потянувшись, увидела нас с Нюркой, сидящих на кухне и мирно завтракавших то сон прошёл у неё мгновенно.

— Привет! Завтракать будешь? — спросила я, но встать так и не смогла. Мешала Нюрка, которая при моей попытке встать прижалась ко мне ещё плотнее, зато девушка сделала шаг назад и начала разглядывать кухню в поисках колюще — режущих предметов самообороны.

— Ты откуда такая пугливая? — Спрашиваю я вставая.

— Ich verstehe kein Wort! — произносит она, отступая ещё на шаг назад.

Блин ещё и по-русски не буум буум. И где Ксанка её откапала? И почему не предупредила не ее, не меня? Ну, вот только попадись она мне на глаза...

Но ожидать пришлось долго Ксанка никак не хотела просыпаться.

Милое создание звали Тина. Вообще то её полное имя было Кристина, но Тина ей нравилось больше. Познакомились они с Ксанкой в больнице.

Ну, где это чудо могло ещё познакомиться она то на работе, то в горах, то в больнице. Наверно выражение моего лица после этих мыслей стало очень довольным и Тина с испугу застегнула верхнюю пуговицу Ксаниной рубашки. МинДааааа... ей придётся подрасти см. на 20 что бы она была ей в пору. После завтрака девушка немного успокоилась и даже Нюрка позволила себе погладить, но потом опять запрыгнула ко мне на колени тем самым, ограничив моё передвижение.

— Да что ты с Ксанкой сделала? Она всё спит и спит? — спрашиваю я загадочно так улыбаясь. Тина смотрит на меня потерянным взглядом постепенно начиная менять цвет лица с бледно-стеснительного на розово-смузженный.

— Я её сейчас разбуджу! — говорит Тина, срываюсь со стула и быстро поднимаясь по лестнице. Что произошло дальше не удивила ни меня, ни Нюрку. Насчёт Тины не знаю, думаю, при таком приветствии ей ещё не удавалось присутствовать. Оксанка в том, в чём её разбудили с боевыми криками индейцев, которые выходят на тропу войны перелетая через ступеньку, спускалась к нам. Затем она со всего лёту запрыгнула на меня, но боевой клич, не прекратила. Для справки читающий с моими 1м. 75 и Ксанкиными 1м. 79 мы представляли довольно таки угрожающую пирамиду, которая практически доставала до потолка. Я примерно знала, что меня ждёт, поэтому встала посредине кухни и отодвинула стул подальше. Нюрка тоже запрыгнула на стол и старалась всячески привлечь внимание хозяйки громким мяуканьем. Но Тина, которая, оказывается, носила очки, машинально их сняла, и начала протирать стёкла в надежде, что то, что происходит это просто плод оптический обман, вызванный грязными стёклами.

— Слон слезь с меня! — говорю я, приседая и ставя Ксанку на пол. И чем ты вообще всю ночь занималась? Время обед! И почему девушку не предупредила? Она чуть полицию не вызвала!

— Тина, которая не смогла воспринять это зрелище, стоя, молча сидела на лестнице с начисто протёртыми очками и пыталась понять, о чём мы говорим т. к на вражеский язык мы так и не перешли.

— Чем?! Чем?! — говорит Оксана, поворачиваясь задом и гордо демонстрируя в кровь исцарапанную спину.

— Миндаааа — смотрю я сначала на спину, а потом на сверкающие, на сверкающие по лестнице Тинены пятки. Думаю, в этот момент у неё покраснели даже они.

Пока я кормила Ксанку завтраком или скорее сказать обедом, она всё гладила Нюрку, мирно уснувшую у неё на коленках и штила по поводу того, что её холодильник никогда не видел столько продуктов.

— Ну, так какие у нас планы? Засоня?

— ЧТО значит какие??? В ГОРЫ!!! Я уже вчера всё приготовила. Такое место тебе покажу, закачаешься. Выехали мы сразу, после того как Ксанка поела. Тина так и не спустилась и с нами тоже не поехала. Думаю, она была против того, что бы Оксанка опять уезжала в горы, но разве Ксанку можно остановить. Если она, что задумала, всё точка и никаких больше разговоров.

Заявились мы только в воскресенье вечером. Уставшие, грязные, голодные, пропахшие костром, но счастливые. Тина с Нюркой сидела в зале и смотрела телевизор. Услышав нас она встала, удостоверилась, что все конечности у нас на месте, сказала, что еду мы, найдём в холодильнике и молча поднялась наверх.

— Миндаааа... бури плавно переходящей в проливные дожди тебе сегодня не миновать — говорю я Ксанке выбрасывая из холодильника продукты, которые поглощаются без предварительного приготовления. И взяв по бутылке пива, мы стали смеяться и вспоминать приключения последних двух дней (как у Ксанки спустило колесо, как у нас ночью упала палатка, как Ксанка с фонариком гонялась по лесу за комаром, который умудрился укусить ее, когда она пошла в туалет, а за ней летел целый рой таких же комаров, наверно родственники того бедняги, которому она объявила войну. Да многое чего ещё вспоминалось)

— Ладно, я пошла, спать, завтра рано вставать. Ты бы лучше не пила больше! Вдвоём на диване спать неудобно — говорю я, видя как Ксанка открывает ещё одну бутылку пива.

— Угу — кивает Оксанка и продолжает пить.

Меня разбудил скрежет колёс резко рванувшей с места машины. Ну, кто ещё в этой деревушке так ездит как не Ксанка. Значит, её все-таки выгнали из спальни. Тогда почему она меня не разбудила, вот упрямая, куда её на ночь, глядя, понесло (думала я, наскоро влезая в джинсы и рубашку) Нюрка видя моё волнение и предчувствуя поездку, крутилась около входной двери.

— Нет, Мадам, ты останешься, дома и будешь смотреть, что бы Тина тоже никуда не сбежала.

— В моей голове крутилось только одно. Куда можно было поехать в час ночи??? Куда? Куда! Конечно, она сейчас в этом душном ночном баре, где собираются байкеры разодетые в кожаные штаны и куртки. Опять пьет и болтает с барменом, о какомнибудь новом движке, который бы так подошел её мотоциклу. Я была с ней там пару, раз и мне не понравилось. Слишком много потных мужиков, которые всё время курят и ругаются. Ой, какая я умничка вот и Ксанкина машина. Паркуюсь неподалёку, набираю в лёгкие последний глоток свежего воздуха и открываю двери бара. Да как же в таком тумане можно кого-то найти. Я обошла бар уже два раза, но безуспешно. Может я ошиблась, и это была совсем не Ксанкина машина. Надо было в салон заглянуть т. к. номер мне всё равно ничего не скажет. Ну, вот где её носит? Мои размышления прервал бармен, который, узнав меня начал приветливо махать,

предлагая подойти к стойке.

— Ни —

— Ни-ты Ксанку не видел? —

— Нет, сегодня не видел. А вот её девушка здесь.

— Где? — спрашиваю я удивлённо.

Он кивает в сторону и исчезает. Следую глазами за кивком, но вижу только огромную спину давно уже не следящего за своими волосами байкера. Протискиваюсь через толпу пытаясь подойти ближе и вижу как эта громадина просто в буквальном смысле налегая на миниатюрную Кристину, пытается ей что-то говорить.

Ложу на его плечё руку, другую ложу поверх первой и что есть силы отталкиваю бугая от Тины в направлении барного стула, на который он падает в полном недоумении. На моей стороне был момент неожиданности, и то, что эта туша уже ели держалась на ногах от чересмерного количества принятого алкоголя. В ту же минуту я буквально поднимаю Тину, пересаживаю её на соседний стул. Сама сажусь между бугаём и девушкой. Машу официанту и начинаю делать заказ. В это время бугай приходит в себя и пытается что-то возразить. Я надеюсь только на одно, что бармен, который представляет из себя огромную гору мускулов не допустит драки.

— Это моя девушка! — говорю я спокойно, пытаясь сбросить лапищу байкера, которая просто оттягивала моё плечё в направлении пола. Громила смотрит на Тину, та начинает активно качать головой, потом переводит взгляд на бармена. Тот, пожимая плечами, ставит перед его носом огромную кружку пива говоря, кивая в мою сторону

— За его счёт! —

Ну, конечно за него, т. е. за мой. Попробовал бы он сказать за ЕЁ. Проблемы бы тогда точно бы были. А так в полуосвещённом баре я спокойно могла сойти за вполне симпатичного парня. Громила сначала посмотрел на меня, потом на мускулы бармена, плавно перевёл взгляд на пиво. Взял кружку и исчез в недрах бара громко ругаясь. Бармен, видя, что буря успокоилась, занялся своим делом. Тина, узнав меня, немного расслабилась, но цвет лица её выдавал. Такой нездоро — бледный цвет, в контрасте с зелёно-испуганными глазами я видела впервые. Ругаться сразу же перехотелось. Все вопросы, упрёки и нравоучения просто утонули во мне.

— Ну, что похоже, что на сегодняшний вечер ты моя девушка! — говорю я улыбаясь.

Не знаю, что Тину смущило больше. То, что я сказала или то, что я не начала ругаться, но цвет лица приобрел знакомый мне уже слегка розовый оттенок.

А ничего, не сказав просто опустила глаза и продолжала молчать.

— Ладно. Мне не нравится тут. Я еду домой. Ты остаёшься? — медленно встаю, давая возможность девушке взвесить всё за и против. Катализатором послужил очередной байкер, который, споткнувшись об ножку барного стула просто упал на Тину пытаясь удержать равновесие и не оказаться на полу. Кристина с испугу вскочила со стула и как-то не положенно-плотно прижалась ко мне. Не говоря не слова мы вышли из бара. Никогда бы не поверила, что воздух может быть таким чистым. Дома Тина включила кофеварку, показывая, что спать она ещё долго не пойдёт. Да и у меня после свежего воздуха сон прошёл окончательно.

— Ты, что с Ксанкой в одной палате лежала? — спрашиваю я, пытаясь хоть как-то завести разговор.

— Нет, я в приёмном отделении работаю. Её к нам на скорой привезли после аварии и мне надо было её оформить и подготовить к операционной. Но труднее всего мне было срезать с неё штаны и как-то умудриться освободить переломанные ноги от грубых мотоциклетных сапог. Больше всего меня тогда поразило поведение пострадавшей. Она не то, что не кричала. Она просто в открытую, правда, немного хмурясь от боли, приставала ко мне. Забрасывала комплементами и приглашала на ужин и что б обязательно с танцами. В этот день было очень много пострадавших, но её я долго не могла забыть. Да и она сама мне этого не давала. И как только её разрешили ходить, она часто навещала меня во время моего дежурства. Ей всё-таки удалось уговорить меня поужинать с ней. — Тина вдруг замолчала, и её глаза наполнились слезами.

— Она не любит меня! И первая капля жидкости падает на стол.

Если я сейчас, что-нибудь не сделаю, то проливные дожди обрушаться на меня.

— Загадай желание! — внезапно говорю я, пытаясь отвлечь Тину.

— Что? — непонимающе переспрашивает она.

— Ну, у тебя есть желание? Загадывай! —

— Загадала? —

Она ничего, не говоря просто начинает молча кивать.

У тебя ресница упала! — говорю я, смеясь, протягивая Плоток.

Она то же улыбается и, вытирая слёзы спрашивает

— А ты как с Оксаной познакомилась? — ...

С Тиной мы так и просидели до утра. Потом она уехала на дежурство. А Ксанка, разбуженная заранее заведённым будильником, вместе с Нюркой, провожают меня на улице.

— Так, вроде всё! Поехала я! Ксан и кончай ты отшельничать. Тина очень хорошая и тем более любит тебя! Ладно, не балуйтесь тут без меня! — говорю я, гладя Нюрку и параллельно чмокая Ксанку.

Кошка срывается с Оксаниных рук и, обгоняя меня, запрыгивает в машину. Я ловлю её в салоне и отдаю подошедшей хозяйке. Она опять освобождается и запрыгивает уже в опущенное стекло водительской двери.

— Вот видишь, мы наивные думаем, что выбираем женщин. А на самом деле это они выбирают нас! — говорю я, трогаясь с места.